

И. Г. Матвеева

**Дарители Императорской Публичной библиотеки (1849–1861 гг.):
стремления частных лиц способствовать
развитию крупнейшего книгохранилища**

В статье рассматривается участие частных лиц в формировании фондов Императорской Публичной библиотеки в 1849–1861 гг. путем дарения книг, рукописей, нот и карт, эстампов. Щедрые дары, поступавшие от представителей самых разных социальных слоев населения, свидетельствуют, что общество было солидарно со стремлением Библиотеки к собранию полной коллекции книг как российских, так и иностранных.

Ключевые слова: Императорская Публичная библиотека, дарители, частные приношения

Irina G. Matveeva

**Donors of the Imperial Public Library (1849–1861):
individuals' contribution to the development of the library's collections**

The article deals with the involvement of private parties in the formation of the Imperial Public Library's collections in 1849–1861 through donation of books, manuscripts, music and maps, prints. Generous gifts that were coming from the most diverse social strata, indicate that the society was in solidarity with the desire for the meeting of the Library of the complete collections both of Russian and foreign books.

Keywords: Imperial Public Library, donors, private offerings

Частные приношения – одно из лучших свидетельств сочувствия публики к цели и к развитию отечественного книгохранилища – текли в него обильно¹.

Дарение Императорской Публичной библиотеке (ИПБ) книг и рукописей было проявлением симпатии и благосклонности людей к книгохранилищу, чья слава росла год от года. Нельзя не согласиться с мнением О. Д. Голубевой: «Популярность и известность Публичной библиотеки перешагнула границы России: к ней шли дарственные посылки „из всех концов образованного мира“, где она воспринималась как один из важнейших очагов русской культуры. Книги присылались из разных стран: Сербии, Чехии, Хорватии, Галиции, Англии, Франции, Дании, Голландии, Бельгии, Италии, немецких земель»². Дары поступали «нашему книгохранилищу не только из всех других краев Европы, но и из Америки и Азии»³. Это было желание продемонстрировать единство, солидарность и соучастие в развитии и деятельности Библиотеки, в росте и обогащении ее фондов. По словам публициста, писателя, историка искусства, музыкального и художественного критика, сотрудника ИПБ В. В. Стасова, Библиотека в тот период «стала „общественным достоянием, дорогим и знакомым для каждого“, и поэтому „со всех сторон сыпались приношения книгами, рукописями, гравюрами, всякими типографскими редкостями и драгоценностями. Все наперерыв старались отыскать у себя в старых шкапах, в забытых углах, здесь или в провинции, что-нибудь такое, что можно было подарить Би-

блиотеке, прибавить к ее все более и более разраставшимся коллекциям»⁴.

Дарители не переставали быть щедрыми даже в самые сложные для страны годы. Например, в Отчете ИПБ за 1854 г. сообщалось: «Даже и в настоящую годину борьбы, когда все главные интересы сосредоточивались на событиях преимущественно политических, общее к Императорской Публичной библиотеке сочувствие продолжало выражаться, почти ежедневно, более или менее важными дарами»⁵. Купец С. И. Литов, и прежде даривший ИПБ редкие книги, писал, что в 1855 г. он «никуда из города Киева не выезжал и ничего не приобретал из древностей – по случаю дороговизны фуража для лошадей – по причине теперешнего военного времени. Дай бог, чтобы дожидаться славного для России Мира, – тогда я немедленно выеду для отыскания редких древностей – за это время я много собрал сведений, где хранится много книг – где надеюсь найти много редкостей»⁶.

В 1856 г. географ и этнограф П. Н. Небольсин указывал, что он «избрал сегодняшний день – день объявления подписания мирного трактата – чтоб принести посильную лепту на алтарь отечественного просвещения. Движимый этими чувствами, я имею честь препроводить к Вашему Высокопревосходительству (М. А. Колфу. – И. М.) прилагаемую библиографическую драгоцен-

ность, жертвуемую мною в дар Императорской Публичной библиотеке, поставленной, личными стараниями Вашего Высокопревосходительства на такую высокую степень совершенства»⁷.

Некоторые дарители преподносили Библиотеке книги, изданные небольшими тиражами, понимая, что Императорская Публичная библиотека является именно тем местом, где подобные книги сохраняются на века. Так считал и географ К. Ф. Свенске: «Честь имею препроводить у сего к Вашему Высокопревосходительству (М. А. Колфу. – *И. М.*) два экземпляра некоторых работ, исполненных мною для Императорского Русского географического общества <...> одна была отпечатана в малом числе экземпляров, она, со временем, станет библиографическою редкостью»⁸.

Археолог и библиограф Д. В. Поленов в 1854 г. в своем сопроводительном письме писал: «Ревнуйя быть участником, по возможности, в приношениях, деланных Императорской Публичной библиотеке, имею честь препроводить при сем собрание напечатанных отдельно договоров и других актов, заключенных Россиею с иностранными державами с 1766 по 1825 г. включительно»⁹. Это был не единственный его дар. Так, в 1859 г. он преподнес сборник «Собрание циркулярных предписаний Министерства иностранных дел российским миссиям и консульствам в Европе и Америке», составленный его отцом В. А. Поленовым. Этот сборник был «напечатан в количестве 100 экземпляров и не был назначен для публики»¹⁰.

Организация пополнения фондов за счет даров была продуманным шагом с правильно поставленной задачей и четким определением путей решения. Государственные деятели видели в этом факт патриотизма. Ученым и дворянству было почетно получить в качестве награды от имени императора медали и ордена. Купечество гордилось награждением ценными ювелирными подарками. Книготорговцев привлекала возможность заключения новых контрактов в качестве комиссионеров ИПБ, что позволяло иметь на официальных бумагах и вывесках государственный герб.

Знакомясь с материалами, связанными с дарениями Публичной библиотеке, ощущаешь ту благодарность, которую испытывали сотрудники и, в первую очередь, ее директор, по отношению к дарителям за их многочисленные дары, поступавшие в фонды Библиотеки. Испытывали и не скрывали. Высказывали как в личных письмах, так и публично: «Императорская Публичная Библиотека служит пособием во всех важнейших трудах, предпринимаемых нашими учеными на пользу русской науки, и потому всякое прино-

шение, пополняющее коллекцию Библиотеки, есть патриотический подвиг, достойный в особенности тех лиц, которых имена блещут на страницах отечественной истории»¹¹.

Несомненно, что «заинтересованность образованной России в процветании Публичной библиотеки получила в 50-е гг. и своеобразное материальное воплощение. В Библиотеку, как в „общенародный кошель“, стали поступать в дар книги, рукописи, денежные приношения <...> Люди разных сословий и состояний, занимавших в табели о рангах иногда и невысокое место, приходили на помощь Библиотеке, и, как писал „Современник“, это свидетельствовало о „постоянно возрастающем сочувствии публики к нашему книгохранилищу“»¹². Самым ярким образом это отразилось в пополнении различных фондов Библиотеки путем активной деятельности многочисленных дарителей.

Большая часть даров поступала в Библиотеку в сопровождении личного послания дарителя. Тексты этих писем являются свидетельством того, что наши предшественники воспринимали акт своего дарения одновременно и как свой долг, и как великую честь. В 1857 г. казанский книгопродавец, владелец книжного магазина и библиотеки для чтения в Казани, комиссионер типографии II отделения собственной е. и. в. канцелярии А. Г. Мясников подарил издание комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», напечатанное в 1830-х гг. без цензурного разрешения и малоизвестное современным библиографам. В своем письме он писал: «Всегдашним душевным моим желанием было и неуклонно будет в продолжение жизни своей быть полезным по мере средств и достояния моего на поприще отечественного просвещения между соотечественниками моими»¹³.

Во многих письмах звучит благоговейное отношение к Публичной библиотеке и бесконечная благодарность ее руководству за возможность пополнить фонды Библиотеки, как бы ни был высок гражданский или церковный чин дарителя. Ректор Могилевской и Вятской духовных семинарий, духовный писатель, археолог, собиратель древностей, епископ Павел (П. Н. Доброхотов) подарил Библиотеке множество изданий и рукописей для ее различных отделов, включая коллекцию «Россика». Передавая в дар рукописи И. Сирина, в своем письме он писал: «Позвольте вложить лепту и от моего усердия в Сокровищницу ума и знаний человеческих – смею думать, что Вы (М. А. Корф. – *И. М.*), высокому просвещению своему не сочтете сей „Лепту“ моей недостойной Вашей „Сокровищницы“»¹⁴.

Читая письма дарителей того периода, поражаешься сквозящей в них скромности

и зачастую недооценке самого акта дарения редких книг. Филолог-славист, академик Я. К. Грот писал М. А. Корфу: «Покорнейше прошу включить ее (книгу. – *И. М.*) в ряды других, подобных ей управляемой Вами Библиотеки, если такое малое приношение на великий и достославный Алтарь отечественного просвещения нашего, в таком либо отношении, окажется того достойным»¹⁵.

Цели, побуждавшие дарителей пополнять фонды ИПБ редкими и ценными изданиями, лучше всего изложены в их сопроводительных письмах.

Одним из поводов дарения редкостей является мнение владельца, что столь ценные издания выходят за рамки его коллекции. Благодаря своей редкости и ценности, как считали дарители, такие книги должны были храниться на вечные времена в стенах крупнейшего книгохранилища. Идея дарения ИПБ «для вечного хранения» звучит во многих письмах. Так, поручик Ф. И. Вольтарис, «имея старинную рукопись о медицине, принадлежащую неизвестно к которому веку», «за большое счастье» почитал «препроводить ее в дар Императорской Публичной библиотеке для вечного хранения»¹⁶.

Ярославский историк-краевед, коллекционер Е. В. Трехлетов, прислав в Библиотеку редкую рукопись, в сопроводительном письме писал: «Назад тому года четыре случайно досталась мне прилагаемая при сем рукописная книга. Назвать ее можно сборником, а по преимуществу содержания астрономическим и пасхальным. При всем моем внимании к древнему и редкому, печатное ли то или письменное, мне не случалось встретить подобной книги <...>. Это привело меня к заключению, что настоящая рукопись по содержанию может быть и редкая, и существует, если не в одном, но не во многих экземплярах. А потому, как редкость, я осмеливаюсь почтнейше представить ее на пресвященный суд Императорской Публичной библиотеки как всеусерднейшее приношение и, если она признана будет действительно редкою в своем роде, то покорнейше прошу принять ее от меня в дар»¹⁷.

В ответ он получил от М. А. Корфа письмо, в котором директор сообщал, что дар был рассмотрен и А. Ф. Бычков нашел, что книга «может с пользою занять место в числе прочих рукописей, составляющих вверенное ему Отделение, почему, и согласно желанию Вашему, она принята Императорской Публичной библиотекою. Такое приношение на пользу науки, Вами сделанное, побуждает меня изъявить Вам... от лица отечественного книгохранилища, искреннюю благодарность»¹⁸.

Зачастую, если в руки дарителям попадались редкие исторические документы, многие считали долгом передать их в книгохранилище, понимая, что они могут содержать не известные для историков сведения. В 1851 г. старооскольскому помещику Курской губернии И. Я. Кандаурову при разборе бумаг князя Г. А. Потемкина попался автограф Екатерины II, который он незамедлительно передал в дар Библиотеке, ибо «не зная лучшего употребления этих актов, как принести их в дар Императорской Публичной библиотеке, где они могут послужить для каких-либо исторических сведений донныне неизвестных»¹⁹.

Кроме того, многие дарители свою деятельность в пополнении фондов Библиотеки ассоциировали с принесением пользы отечеству. Отставной подполковник Генерального штаба В. Мочульский в 1850 г. писал: «Во время проезда моего за границу, я имел случай слышать от библиотекаря Императорской Публичной библиотеки г. Минцлова о деятельном развитии, которое Ваше Превосходительство как директор (*М. А. Корф. – И. М.*), позволили преподавать этому для наук столь важному и для отечества нашего столь славному учреждению. Во время блистательного царствования нашего великого императора Россия такими огромными шагами двинулась вперед во всех отношениях, что, подобно сему, вверенная Вашему Превосходительству Императорская Публичная библиотека, без всякого сомнения, займет одно из самых почетных мест в Европе, как скоро будет известно, что в ней сохраняется»²⁰.

Во многих случаях владельцы редких изданий и особенно рукописей опасались за их сохранность и полагали, что в Библиотеке эти вещи будут в более надежных профессиональных руках. «Как из общего отечественного участия к приращению Императорской Публичной библиотеки, так и потому мнению, что в частном владении подобного рода предметы, переходя из одних рук в другие, не только время от времени от ненадлежащего сбережения приходят в ветхость, но и легко даже совершенно уничтожаются, по недоразумению, как предметы, в глазах других, не имеющие никакой цены. Между тем в таком книгохранилище, как Императорская Публичная библиотека, сохраняются с должною бережливостью для потомства»²¹.

Историк, филолог-славист, писатель, член-корреспондент Академии наук, профессор чешского языка и литературы Пражского университета, библиотекарь и архивариус Пражского национального музея В. Ганка (*V. Hanke*) пополнял преимущественно фонд старопечатных книг и посылал в дар книги целыми ящиками,

смущаясь от такого количества присылаемых даров, поэтому объяснял: «Я ныне боюсь, что Вы (М. А. Корф. – И. М.) можете назвать это навязчивостью, но кто меня знает, тот уверен, что я не ищу ничего другого, как распространение славянского слова, желая тем показать современникам, что и чехи еще Славяне, и что хотят оставаться Славянами»²², – и в этом заключалась цель его дарения.

Среди целей, которые преследовали дарители, нельзя не отметить сформулированную в письме греческого ученого К. Зографса – «в видах общения между Православными»²³. Так, епископ Амфилохий дарил старопечатные церковно-славянские книги с тем, чтобы в стенах Библиотеки как можно большему числу читателей имела возможность познакомиться и проникнуться идеями истинной православной веры: «Препровождаемые при сем 6 славянских рукописных книг осмеливаюсь всеуниженейше пожертвовать в Императорскую Публичную библиотеку. В этой драгоценнейшей сокровищехранительнице, открытой безвозмездно для всех, пусть любители нашей родной русской старины и древних славянских рукописных книг найдут, что им полезно и нужно. С особенным удовольствием читаешь извлечения из славянских древних рукописей, хранящихся в Императорской Публичной библиотеке о четвероконечном кресте, троекратном аллилуе и прочем. Пусть мнимые старообрядцы побеждаются своим оружием. Вот единственная цель пожертвований и сих славянских древних рукописей. Приди, любитель старины <...>. Уверься и обретись»²⁴.

Некоторые преподнесенные дары были привезены из путешествий.

Князь, генерал от кавалерии, чрезвычайный посол в Константинополе, и управляющий делами Комитета министров А. Ф. Орлов в 1855–1856 гг. подарил 4 тома редких французских книг, присланных им из Парижа, «во время его пребывания там»²⁵. Писатель, дипломат, археолог В. П. Титов в 1854 г. подарил редкое греческое евангелие²⁶. «Эта рукопись была редчайшею – она была украшена узорчатыми, наведенными золотом заставицами, живописными изображениями евангелистов и 57 миниатюрами, содержанием которых служили события Нового Завета. Роскошь позолоты, свежесть красок и затейливость узоров дают повод думать, что настоящее евангелие было не только собственностью, но, может быть, даже и плодом труда которого-нибудь из членов царствовавшего тогда в Византии дома Комнинов – династии, в которой, как известно, соединялась набожность с любовью к искусствам»²⁷. Оно было приобретено Титовым специально по заказу директора, в чем

можно убедиться из текста сопроводительного письма: «Воротаясь из моих разъездов по внутренним губерниям, вменяю себе в особливую приятность выполнить обещание, данное мною Вашему Высокопревосходительству прошлого года, и поднести в дар Императорской Публичной библиотеке приобретенное мною в Константинополе греческое четверо-евангелие»²⁸. Это издание являлось «одним из драгоценнейших письменных памятников, которым обогатилось Библиотека в 1854 г.»²⁹.

Уже упоминавшийся петербургский и киевский купец III гильдии С. И. Литов специально для приобретения церковнославянских изданий для Библиотеки совершил путешествие в Валахию и Молдавию, откуда привез множество изданий.

В 1857 г. помощник директора ИПБ, писатель, музыкальный критик В. Ф. Одоевский «воспользовался Высочайше дарованным ему, для восстановления здоровья, заграничным отпуском, чтоб собрать в Германии и Франции и Пиемонте находимыя у книгопродавцев и вообще с трудом добываемые коллекции разных уставов, положений, инструкций и самих форм, употребляемых там в практике по части делопроизводства вообще, счетоводства, училищного устройства, городского управления и пр.; равно некоторые литературные сочинения, никогда не поступавшие в продажу»³⁰.

В 1854 г. издатель, писатель, филолог Н. И. Греч преподнес 169 эстампов, «собранных им во время его путешествия по Европе в горестном для нея 1848 г.»³¹.

Многие дарители, собираясь в путешествие, просили прислать им список «недостающих» ИПБ изданий, планируя приобретать именно те издания, о которых «хлопотала» Библиотека. Для этого библиотекарями «составлен был, по времени, – с самою строгою, разумеется, разборчивостью, – реестр тем новейшим книгам, которые желательно бы иметь в Библиотеке. Ограничиваясь одними истинными приобретениями науки, одним совершенно необходимым»³².

Сверялись со списком для поиска необходимых Библиотеке книг многие дарители. Так, петербургский купец I гильдии, литератор К. И. Лаутон перед своей поездкой в Германию, Францию и Англию в 1850 г. просил сообщить, «какие именно книги теперь наиболее нужны Библиотеке, дабы купить их за границею и преподнести ей в дар». «Истребовав, перед поездкою своею в чужие края, список важнейшим иностранным сочинениям новейшего времени, которых недоставало тогда Библиотеке, приобрел за границей и принес ей в дар сии сочинения»³³.

Вот как комментировали тогда эти события: «Не прошло и четырех месяцев, и вдруг, на днях, мы получили несколько огромных ящиков, в которых, к радостному нашему изумлению, оказалось все без изъятия, что было помещено в реестре. Г. Лаутон, возвратившись между тем сам в Петербург, пишет, что все эти книги он жертвует в пользу Публичной библиотеки, считая себя счастливым, что, чрез осуществление вполне данной ему программы, мог принести знаменитому нашему книгохранилищу дань своего уважения»³⁴. В целом он приобрел и подарил 646 томов, 18 рукописей и 13 карт. В большей степени это были издания на иностранных языках «по всем частям человеческого ведения; все в совершенно новых экземплярах и частию в прекрасных переплетах, многие с картинками, планами, картами; немалое число изданий, весьма дорогих и по материальной своей ценности, а в отношении к внутреннему достоинству – одно лучшее и полезнейшее, что произвела наука в последнее время»³⁵. Благодаря этому дару, у ИПБ появилась возможность, «хоть несколько, удовлетворять требованиям современной науки, в лучшем ее смысле»³⁶. Этот поступок был высоко оценен М. А. Корфом: «Труд, приложенный к присканию всех этих книг, требовавшиеся для того переезды, переписка, вознаграждение комиссионеров и наконец сама перевозка в Петербург, ставят это пожертвование несравненно выше, нежели такое же приношение книг, которые находились уже в руках жертвователя»³⁷. Николай I наградил за эти дары Лаутона драгоценной табакеркой, осыпанной бриллиантами³⁸, и он был назначен почетным корреспондентом Библиотеки³⁹.

Зачастую книги, принесенные в дар Библиотеке, были найдены в необычных местах. Например, в 1853 г. старший ординатор I Военно-сухопутного госпиталя Т. М. Соколов подарил книги, найденные им «после сражения в авангарде при деревне Виковой» на месте неприятельских окопов. Среди них – «Оды на взятие Очакова» (СПб., 1789) и книга, сочиненная «отставным солдатом Моисеем Слепцовым», причем «подаренный Библиотеке экземпляр представляет замечательные варианты»⁴⁰.

В 1860 г. от французского офицера, капитана 4-го полка вольтижеров императорской французской гвардии А. Л. Пассана (A. Louis Passant) поступил «отрывок рассуждения о различных главах Корана, с примечаниями, основывающимися на преданиях, – пергаментная рукопись на арабском языке, писанная африканским почерком. Эта рукопись была найдена во время экспедиции Сент-Арно, в 1845 г. ...Подобной ей в Библиотеке еще не было»⁴¹.

Некоторые из дарителей предпочитали остаться инкогнито. В «Реестре даров...» нередко можно встретить запись – «от неизвестного». Как правило, либо это были слишком известные лица, либо дары были небезопасными для дарителя. Так, в 1851 г. через востоковеда-санскритолога, тогдашнего редактора ученых работ Библиотеки К. А. Коссовича, от лица, пожелавшего остаться неизвестным, поступило в дар «подлинное черновое прошение Петру Великому малороссийского гетмана Ивана Скоропадского, им подписанное и в некоторых местах исправленное, о несправедливом притязании князя А. Д. Меншикова примешивать к городам Почепу и Ямполью еще сотенные города Стародубского полка Мглин и Баклан, с их уездами, и два письма Князя А. Д. Меншикова к тому же гетману (марта 1716 г. и июня 1720 г.), которых главное содержание относится до разграничения земель гетманских от пожалованных в Малороссии Петром Великим Меншикову»⁴². В 1851 г. Библиотека получила дар «от одного знаменитого ученого, пожелавшего остаться не названным перед публикою... более 120 томов летописей, саг и других источников, относящихся к истории древнего Севера, в превосходных экземплярах и прекрасном переплете – дар, тем более для нас ценный, что, по заверению носителя, кроме Библиотеки Копенгагенского общества северных антиквариев, никакая другая в мире не имеет столь полного по сей части собрания»⁴³. Читатель того времени без труда узнал бы по этому описанию имя датского археолога, историка, профессора, академика К. Х. Рафна.

Известны просьбы дарителей сохранить в тайне их небезопасный дар, по крайней мере, до конца их жизни. Так, директор Почтового департамента, коллекционер Ф. И. Прянишников передал в Библиотеку несколько мasonicких книг «в запечатанном конверте, под условием вскрыть их после его смерти»⁴⁴. Начальник Лазаревского института восточных языков В. П. Бутков, провожая труды губернских дворянских комитетов, просил, чтобы приношение его осталось в тайне: «Пусть будущее поколение, разбирая труды, оценит степень участия дворянства в этом великом деле»⁴⁵. Ф. Ф. Вигель, передавая в дар рукопись своих воспоминаний писал: «Осмеливаюсь поручить Вашему Высокопревосходительству (М. А. Корфу. – И. М.) последние занятия моей жизни для хранения в Императорской Публичной библиотеке. Лестно мне иметь некоторым образом такого душеприказчика. Только умоляю Вас стать до смерти моей. Записки сие, кроме Вас или Вашего семейства, никому не были известны. И так уже имею множество

врагов: и сам виноват, нередко позволяя себе шуточки и насмешки»⁴⁶.

М. А. Корф отозвался в ответном письме следующими заверениями: «Искренне, от всего сердца благодарю Вас за драгоценный дар в пользу русской науки и истории. Остроумные и полные жизни очерки современных Вам событий, общества, нравов и деятелей, излившиеся из-под красноречивого пера Вашего, никогда не потеряют высокого их достоинства, и если <...> портреты Ваши не для всех в настоящем одинаково лестны, то для всех в будущем <...> одинаково любопытны и наставительны. <...> Воля Ваша о сохранении сих записок в сейфе на все продолжение Вашей жизни будет свято исполнена»⁴⁷.

Факт получения анонимных даров свидетельствует о бесконечном доверии к Императорской Публичной библиотеке и к ее директору. Факт же принятия этих небезопасных даров, невзирая на возможные неприятности, говорит о стремлении сохранить для потомков в полном объеме важные исторические документы для более полного раскрытия истории России.

Около тысячи частных лиц оказывали помощь Императорской Публичной библиотеке в обогащении ее фондов, закрытии лакун, скорейшем получении новых, в особенности иностранных, изданий в период директорства М. А. Корфа. И у каждого были свои цели, желания и стремления: «Как в настоящем, так и в предшествовавших жертвованиях нельзя не видеть, с одной стороны, возникшего общего внимания к нашему знаменитому книгохранилищу и стремления частных лиц способствовать, зависящими от них средствами, – писал А. Ф. Бычков. – К осуществлению намерения сосредоточить в Библиотеке, на пользу общую, все, что когда-либо было напечатано на русском языке, с другой стороны – желания сими посильными приношениями выразить свое сочувствие к трудам и усилиям начальства Библиотеки, которое старается сокровища, в ней заключающиеся, сделать сколько можно общедоступными и плодотворными для науки»⁴⁸.

Примечания

¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1855 г. СПб., 1856. С. 21.

² Голубева О. Д. М. А. Корф. СПб., 1995. С. 37–38.

³ Книга приношений в пользу Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1857. С. 9.

⁴ Голубева О. Д. Указ. соч. С. 36.

⁵ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1854 г. СПб., 1855. С. 31.

⁶ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1855. Д. 3. Л. 179.

⁷ Там же. 1856. Д. 3. Л. 48.

⁸ Там же. Л. 68.

⁹ Там же. 1854. Д. 3. Л. 163.

¹⁰ Там же. 1859. Д. 3/2. Л. 185.

¹¹ Там же. 1860. Д. 3/1. Л. 51.

¹² Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников: хрестоматия. СПб., 1998. С. 238.

¹³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1861. Д. 3/1. Л. 1.

¹⁴ Там же. 1859. Д. 3/1. Л. 13–15(об).

¹⁵ Там же. 1854. Д. 3. Л. 106.

¹⁶ Там же. 1860. Д. 3/2. Л. 9–9(об).

¹⁷ Там же. 1851. Д. 2. Л. 71.

¹⁸ Там же. Л. 107.

¹⁹ Там же. Л. 115.

²⁰ Там же. 1850. Д. 5. Л. 13.

²¹ Там же. 1852. Д. 7. Л. 39–39(об).

²² Там же. 1853. Д. 6. Л. 28.

²³ Там же. 1852. Д. 7. Л. 131.

²⁴ Там же. 1856. Д. 3. Л. 11.

²⁵ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1856 г. СПб., 1857. С. 60.

²⁶ Сев. пчела. 1854. 30 апр., № 96. С. 9.

²⁷ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1854 г. СПб., 1855. С. 53.

²⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1854. Д. 3. Л. 86.

²⁹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1854 г. СПб., 1855. С. 52–53.

³⁰ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1857 г. СПб., 1858. С. 44–45.

³¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1854 г. СПб., 1855. С. 51.

³² ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1850. Д. 33. Л. 9.

³³ Книга приношений в пользу Императорской Публичной библиотеки. С. 6.

³⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1850. Д. 33. Л. 10 об.

³⁵ Там же. Л. 10 об. – 11.

³⁶ Там же. Л. 11–11 об.

³⁷ Там же. Л. 11.

³⁸ Книга приношений в пользу Императорской публичной Библиотеки. С. 7.

³⁹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1850 г. СПб., 1851. С. 16.

⁴⁰ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1853 г. СПб., 1854. С. 26–27.

⁴¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1860 г. СПб., 1861. С. 56.

⁴² Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1853 г. СПб., 1854. С. 43.

⁴³ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1851 г. СПб., 1852. С. 17–18.

⁴⁴ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1860 г. СПб., 1961. С. 35.

⁴⁵ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 3/1. Л. 36.

⁴⁶ Там же. 1854. Д. 3. Л. 67.

⁴⁷ Там же. Л. 68.

⁴⁸ Бычков А. Ф. О хранящихся в Императорской Публичной библиотеке Ведомостях 1705, 1706 и 1707 г. СПб., 1853. С. 2.